

Незаметно подкрался июль. Небо прояснилось, а в отношениях главных героев наметился отчетливый сдвиг.

Спасаясь от палящего зноя, они укрывались на вилле: читали, музицировали, а порой выезжали на велосипедах делать зарисовки с натуры. Позже Тан Фэну надоела жара, и он взял напрокат легковушку. Так они познакомились с Цао Юэгуй, дочерью владельца автопроката. И если Тан Фэн казался уже вполне зрелым мужчиной, то Бай Цзиннянь с его нерастраченной юношеской пылкостью привлекал внимание семнадцатилетней девушки куда сильнее. Утонченный, обаятельный юноша при первой же встрече глубоко запал ей в душу.

Чжао Сыци пробивала себе дорогу сама, так что играть умела. Первые сцены дались ей неплохо, но на ключевом эмоциональном переломе работа застопорилась. Она привыкла к дорамам, и в приземленной, жизненной ленте Ло Юаньцзе ее игра выглядела слишком нарочитой.

Затянувшиеся дубли сожгли драгоценное предзакатное время, которое так хотел поймать режиссер, и съемку перенесли на следующий день. Чжао Сыци чувствовала себя виноватой. Завершив смену, она написала Се Синьцяню в мессенджере, попросив прорепетировать вместе.

Се Синьцянь согласился.

Пужинав, он обратился к Ли Вэньсю:

— Чжао Сыци хочет прогнать сцену. Мне неловко идти к ней в номер. Можно ей прийти к нам?

Ли Вэньсю на мгновение задумался и кивнул:

— Пускай приходит.

Вскоре Чжао Сыци появилась на пороге с текстом в руках. Увидев на диване Ли Вэньсю, она невольно оторопела:

— Учитель Ли тоже здесь?

Се Синьцянь лишь кивнул, утаив факт их совместного проживания:

— Ты не против?

— Что вы, всё в порядке! — отмахнулась девушка и, сверившись со сценарием, включилась в работу.

Репетировали эпизод, где её героиня приглашает Бай Цзиння на праздник Циси. Каждый год на острове Вэйхай устраивали пышные гулянья: на рассвете жители сходились у моря, пели, плясали, признавались в любви и славил щедрость природы. По сюжету Цао Юэгуй пыталась зазвать юношу с собой. Задача несложная, но в финале присутствовал поцелуй в щеку — и именно здесь актриса зажималась. Режиссёр не видел в ней той наивной, отчаянной смелости, что присуща влюбленной девушке.

Они прогнали сцену несколько раз, но нужная интонация никак не давалась.

— Даже не знаю, в чём дело, — смущенно вздохнула Чжао Сыци. — Не получается дать то, чего ждёт режиссёр.

В этот момент Ли Вэньсю поднялся с дивана:

— Давай я покажу. Сравнишь.

Обращался он, разумеется, к Чжао Сыци.

— А?.. — та от неожиданности опешила.

Се Синьцянь замер, до него только сейчас дошло: Ли Вэньсю собирается сыграть Цао Юэгуй?! Актер решил исполнить женскую роль? Но ведь это значит... что Ли Вэньсю сейчас поцелует его?!

Се Синьцянь широко распахнул глаза. С какой стати Ли Вэньсю вообще взялся за это?!

— Это... удобно? — запнувшись, пролепетала Чжао Сыци. — Я вас не сильно задержу?

Ли Вэньсю изогнул бровь:

— А вы планируете репетировать до полуночи?

До Се Синьцяня дошло: тот просто хотел быстрее закончить и лечь спать, а вовсе не из каких-то иных побуждений. Но всё равно...

Се Синьцянь сглотнул и попытался сопротивляться:

— Вы... правда сможете сыграть девушку?

Ли Вэньсю достал из фруктовой вазы цветок плюмерии, приладил за ухо и едва заметно улыбнулся:

— Как думаешь?

В его облике вдруг промелькнула чисто девичья, кокетливая застенчивость.

Се Синьцзянь онемел. Чжао Сыци застыла в изумлении. Как тридцатилетний двухметровый мужчина мог с такой невероятной точностью передать манеры и взгляд юной девушки?! Внешность оставалась прежней, но суть... Никакой манерной наигранности — лишь чистый, искренний девичий порыв.

— Сумасшествие какое-то! — выдохнула Чжао Сыци. — Словно в вас настоящая девушка вселилась! Как у вас это получается?!

— Главное — смотри на мимику, — ответил Ли Вэньсю. — Ты должна показать не просто эмоцию, а влюбленность. Когда любишь по-настоящему, взгляд тебя выдает.

— Но мне казалось, я и так показываю любовь...

— Сравни ещё раз, — перебил Ли Вэньсю и повернулся к Се Синьцзяню.

Чжао Сыци послушно отступила, освобождая им пространство.

Се Синьцзянь оказался в ловушке. Сгорая от неловкости, он приготовился покорно подыгрывать. Сколько сцен он сыграл за свою жизнь, но такого смущения не испытывал никогда.

Особенно теперь, когда напротив стоял Ли Вэньсю. В отличие от сдержанного Тан Фэна, его «Цао Юэгуй» буквально излучала страсть. Это не была топорная игра: актер выстроил тончайшую партитуру чувств — сначала попытка скрыть смущение, затем неспособность сдержать порыв и, наконец, трепетное признание.

Вот она, магия кинозвезды высшей пробы! Тот же текст, та же мизансцена, но ощущение совершенно иное...

— Соберись, — негромко напомнил Ли Вэньсю.

Се Синьцзянь опомнился, пробормотал: «Прости» — и погрузился в роль.

В самом конце, уже уходя, Ли Вэньсю украдкой коснулся губами его щеки — невесомо, будто бабочка опустилась на лепесток. Мгновенное, едва ощутимое прикосновение.

Се Синьцзянь пораженно вскинул голову, но Ли Вэньсю уже отвернулся.

Его девичья ипостась кардинально отличалась от трактовки Чжао Сыци: и пластика, и характер были иными, но искренность чувства захватывала дух. Желание поцеловать любимого, страх оттолкнуть его, колебания — и верх берет чувственность.

Сцена завершилась. Чжао Сыци ещё некоторое время заворуженно молчала, выходя из оцепенения. Затем разразилась бурными восторгами и, решительно сжав кулаки, воскликнула:

— Кажется, я поняла! Сяо Се, давай ещё раз!

\*\*\*

На следующий день Чжао Сыци сыграла сцену безупречно.

Ло Юаньцзе никогда не скупился на похвалу и сразу же отметил её успехи.

— Это всё благодаря Учителю Ли и Сяо Се! — с улыбкой ответила актриса. — Без них я бы сегодня опять провалилась.

— Они помогали тебе? — удивился режиссёр.

Девушка кивнула и пересказала вчерашнюю репетицию, добавив в конце:

— Когда я уходила, Учитель Ли спросил, в чём, по-моему, главная черта этого персонажа. Я ответила, что в пылкости, ведь она сама ухаживает за Бай Цзиннянем, хоть тот её в итоге и отвергает. А Учитель Ли сказал, что её суть — в храбрости. Ему очень нравится эта героиня, потому что она способна на всё ради любимого человека.

— Он абсолютно прав, — одобрительно кивнул Ло Юаньцзе. — Храбрая душа, готовая идти напролом — именно это я и искал на кастинге.

Улыбка Чжао Сыци стала ещё шире:

— Спасибо, режиссёр! Я буду стараться и не подведу вас!

Впереди оставался ещё один дубль, и, чтобы не мешать, девушка отошла в угол площадки, примостившись на табурете.

Неподалеку Се Синьцян и Ли Вэньсю готовились ко второй сцене.

Персонажи вошли в фазу завуалированного ухаживания: постоянные взаимные проверки, но грань пока не перейдена.

По сюжету Тан Фэн видит, как Цао Юэгуй целовала юношу и смущенно убежала. Выждав секунд десять, он выходит из сада и как бы между прочим замечает:

— Цао Юэгуй звала тебя на праздник Циси?

Гулянья в честь фестиваля — главное событие года на острове. Бай Цзиннянь до последнего ждал приглашения от Тан Фэна, но тот упорно молчал. И юноша в сердцах отрезает:

— Да. Представился случай.

Хотя на самом деле он не давал согласия.

— Что ж, прекрасно, — отзывается Тан Фэн.

Раздосадованный Бай Цзиннянь резко разворачивается, желая уйти, но крепкая рука сжимает его запястье.

— Что ты делаешь?! — Он пытается вырваться, но мужчина утягивает его к себе, едва не впечатывая в собственную грудь.

— На что ты злишься? — доносится бархатный, чуть беспомощный шепот.

— Тебе-то какое дело?! — Бай Цзиннянь со злостью смотрит ему в глаза.

Они застыли на зелёном газоне под открытым небом: один смотрит снизу вверх, другой — сверху вниз. Напряжение между ними можно резать ножом.

Спустя мгновение Тан Фэн разжимает пальцы:

— Я хочу, чтобы ты стал моей моделью.

— Не хочу.

— Натурщиком.

Бай Цзиннянь замирает, будто сраженный заклятием.

— Согласен? — тихо спрашивает Тан Фэн.

Согласен ли он? Сколько раз он сам открывал перед Тан Фэном двери, приглашая войти жарким, призывающим взглядом? Как сильно он жаждал этих прикосновений, этого взаимного порыва на заброшенном острове... Или того, что происходит прямо сейчас: под этим палящим солнцем таять от его взгляда.

— Хорошо, — горло сжимает спазм, голос Бай Цзинняня звучит глухо и сдавленно. — Но только если ты тоже станешь моим натурщиком. Дашь мне себя сфотографировать.

Морской бриз приносит запах соли. Бай Цзиннянь молча смотрит на Тан Фэна. Тот отвечает долгим взглядом.

Взгляды сплетаются, подобно ветру, касающемуся их кожи.

— Договорились, — наконец произносит Тан Фэн.

Бай Цзиннянь поворачивается, чтобы уйти.

— А праздник? — долетает вслед голос мужчины. — Ты правда пойдёшь с ней?

Юноша замирает на секунду и, не оборачиваясь, бросает:

— Пойду с тем, кто пригласит.

За его спиной Тан Фэн едва заметно улыбается.

\*\*\*

Оба эпизода вышли безупречными — режиссер остался доволен, актеры играли легко.

И лишь Се Синьцзянь испытывал глухое раздражение. Его угнетало воспоминание о собственной неловкости во время вчерашней репетиции с Ли Вэньсю.

А ведь впереди маячила настоящая сцена поцелуя!

Там поцелуем в щеку не обойдется. По задумке Ло Юаньцзе, это должен быть порывистый, глубокий, страстный поцелуй...

Се Синьцзянь никогда ни с кем не целовался, не говоря уже о такой откровенности перед камерой. Он не хотел выглядеть зажатым и после душа, забившись в угол дивана, принялся судорожно листать статьи в сети:

"Как при первом поцелуе притвориться опытным?"

"Правда ли, что во время поцелуя подгибаются колени?"

"Не мерзко ли обмениваться слюной при глубоком поцелуе?"

Ответы на форумах не давали никакой конкретики. Поняв, что текстовые советы бесполезны, он перешел к подборкам сцен из фильмов.

Однако уже на первом видео поморщился: «Какой ужас... языком...»

Он сбросил ролик и включил следующий. Пока шла загрузка, над ухом раздался знакомый голос:

— Изучаешь техническую сторону?

Ли Вэньсю только что вышел из ванной. На нём была темно-синяя шелковая пижама с белой оторочкой, от него пахло свежестью и гелем для душа. Внезапное появление заставило Се Синьцяня вздрогнуть — он мгновенно заблокировал планшет и перевернул его экраном вниз, но было поздно.

Вытирая волосы полотенцем, Ли Вэньсю небрежно бросил:

— Решил подковаться?

— Ну... — понимая, что отпираться бессмысленно, Се Синьцянь выдохнул: — Поцелуй ведь скоро. Вот... просвещаюсь.

— И как успехи?

Се Синьцянь промолчал. Признаться в собственном отвращении и полном провале было выше его сил, поэтому он напустил на себя независимый вид:

— Вполне нормально.

— Отлично, — Ли Вэньсю с легкой улыбкой опустился на диван рядом с ним. — Значит, в кадре отдаю инициативу тебе.

Се Синьцянь испуганно вскинулся.

Инициативу — ему?!

Пусть по сюжету их герои поддаются мгновенному порыву, но если роль ведущего достанется ему, он же в первую секунду выдаст свою неопытность!

— Не стоит... — пролепетал Се Синьцзянь. — Я ещё не до конца уловил суть, могу запороть...

Он не договорил. Ли Вэньсю подался вперед, уставившись на него темными, глубокими глазами.

У него был взгляд невероятной силы. Актеры, работавшие с ним, в один голос твердили: стоит Ли Вэньсю посмотреть на тебя всерьез — и ты пропал.

В сети даже ходила шутка, будто никто не способен выдержать его взгляд дольше тридцати секунд. И у этого испытания лишь два финала: либо ты позорно отводишь глаза, либо невольно подаешься вперед за поцелуем.

И сейчас Ли Вэньсю смотрел именно так.

Влажная челка спадала на лоб, кожа казалась фарфорово-белой, а в глубине темных зрачков плескалась концентрированная, обволакивающая нежность.

У Се Синьцзяня пробежал мороз по коже. Он попытался откинуться назад.

Но Ли Вэньсю настиг его, сокращая расстояние до минимума.

Едва Се Синьцзянь попытался отвернуть голову, теплые ладони сжали его щеки, заставляя смотреть прямо перед собой.

Се Синьцзянь вздрогнул — места прикосновений буквально обжигало.

И он тонул в этой бескрайней темной глубине.

Взгляды скрестились. Воздух между ними раскалился. Колено Се Синьцзяня уперлось в бедро Ли Вэньсю, ощущая плотное, живое тепло его тела.

Ли Вэньсю накренился ниже...

Се Синьцзянь тяжело сглотнул, сжав кулаки до побеления костяшек.

Он не понимал, чего боится больше — отказа или продолжения. Он просто замер, не сводя глаз с Ли Вэньсю. Его собственные глаза увлажнились, а губы от прилившего адреналина стали ярко-алыми.

Время застыло. Секунды тянулись бесконечно долго, пока тишину не нарушил низкий, сдавленный шепот:

— Ну как, уловил суть?

— А?.. — Се Синьцзянь всё ещё пребывал в оцепенении и лишь растерянно хлопнул ресницами.

Но Ли Вэньсю уже отстранился, вернувшись на безопасную дистанцию.

Он небрежно подтянул к себе подушку, уложив её на колени, и произнес абсолютно обыденным тоном:

— Ты говорил, что не почувствовал эмоции. А теперь?

<http://bllate.org/book/19727/1985737>